

В.В. АЛЕКСЕЕВ

УРАЛЬСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ

В понятие научной школы вкладывается разный смысл. Чаще всего это школа какого-то выдающегося ученого по специальной проблематике, но проходит время и его сменяют другие люди, которые решают иные проблемы, выдвинутые новой эпохой. Поэтому в долгосрочном плане чаще приходится сталкиваться с региональной школой: московской, сибирской, уральской и т.д. Региональная школа, как правило, имеет свой определенный, независимый от времени и политической, научной конъюнктуры предмет исследования. Для Урала это история региона с древнейших времен до наших дней. Конечно, здесь основаны специализированные школы: византиеведения – профессора М. Сюзюмова, политической и духовной культуры Запада – профессора Л. Кертмана, российских модернизаций – академика В. Алексева, истории КПСС – профессора А. Бакунина, историографическая школа профессоров В. Кривоногова, О. Васьковского и др. В нашем докладе пойдет речь об уральской школе историков (без археологов и этнографов), изучающих проблемы данного региона и России в целом.

Цельной историографии Уральского региона пока не создано. Имеются только краткие очерки в «Уральской исторической энциклопедии», в специализированном издании «Историки Урала XVIII–XX вв.», где на протяжении трех веков прослежены творческие судьбы около 400 служителей Клио, связавших свою судьбу с этим краем¹, да небольшие историографические обзоры к обобщающим работам. Правда, существует цикл исследований уральской историографической школы, но они посвящены в основном

периоду революции, Гражданской войны и первым советским преобразованиям. Поэтому нам предстоит, окинув одним взглядом очень большой пласт исторических публикаций, обобщить результаты многолетних исследований уральцев и в связи с краткостью доклада выбрать только самое главное для данной конференции.

Урал – опорный край Российской державы, сыгравший выдающуюся роль в ее истории, прежде всего экономической. С незапамятных времен здесь велась добыча самых разнообразных полезных ископаемых, на базе которых сформировались современные отрасли промышленности, имеющие как гражданское, так и военное значение. Оружие, созданное на Урале, спасало Отечество в бесконечных войнах, которые вела Россия за свою независимость. Наиболее значим его вклад в победу над фашистской Германией во Второй мировой войне. Срединное положение этого региона, его колоритное прошлое позволяют как нигде лучше проследить закономерности и особенности российского исторического процесса.

Первые сведения об Урале содержатся у «отца истории» Геродота, позднее – у арабских и персидских авторов IX–X вв., затем в «Повести временных лет» XI – начала XII в., жизнеописаниях христианских миссионеров Стефана Пермского (конец XIV в.) и Трифона Вятского (XVI в.), а потом в уральских и сибирских летописях первой половины XVII в. в связи с освещением похода Ермака и присоединением Сибири к русскому государству².

У истоков ураловедения Нового времени стояли его творцы, соратники Петра Великого, выдающиеся государственные деятели, создатели казенного горного дела на Урале Василий Татищев и Вильгельм де Геннин. Уникальные сведения об этом крае содержатся в «Лексиконе Российском историческом, географическом, политическом и гражданском» В. Татищева и «Описании уральских и сибирских заводов В. де Геннина. Существенный вклад в накопление исторических знаний об Урале внесли его горные инженеры И. Герман, А. Дерябин, А. Ярцев и др., участники академических экспедиций XVIII в. И. Гмелин, Г. Миллер, П. Паллас и др., а также губернские ученые архивные комиссии и местные краеведы, в частности из Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), организованного в 1870 г. в Екатеринбурге³. Особо следует отметить роль Н. Чупина, И. Кривошекова, В. Шишонко.

Со второй половины XIX в. изучение истории сосредоточилось в гимназиях, где было введено преподавание исторических

дисциплин, и в учительских институтах, которые действовали ко времени Первой мировой войны во всех губернских центрах Урала. В 1916 г. в первом на Урале Пермском университете открылся историко-филологический факультет, где работал приват-доцентом будущий выдающийся советский историк академик Борис Греков. В итоге на рубеже XIX–XX вв. произошло превращение исторических знаний в науку, но она еще не имела достаточно квалифицированных специалистов, была фрагментарна, без глубоких концептуальных оснований.

После революционных потрясений начала XX в. историческое образование было свернуто до середины 30-х гг., а исторические исследования приобрели крайне идеологизированный характер. Историко-филологический факультет Пермского университета был преобразован в факультет общественных наук, аналогичная структура возникла во вновь образованном в 1920 г. Уральском университете (Екатеринбург). Преподавание истории в средней школе фактически упразднилось, ограничивалась деятельность краеведов, а в 1929 г. УОЛЕ вообще было распущено.

Положение стало меняться в лучшую сторону после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе». Тогда открылись исторические факультеты в Удмуртском и Башкирском педагогических институтах. В 1939 г. создается исторический факультет в Уральском университете, в 1940 г. – в Оренбургском и Челябинском педагогических институтах, в 1941 г. – в Пермском университете.

В 20–30-е гг. были проделаны первые шаги по созданию исследовательских структур исторического профиля: Уралистпарта и Удмуртского института истории, языка и литературы. Благоприятно повлияла на приращение исторических знаний Великая Отечественная война, когда на Урал были эвакуированы многие ведущие историки страны, в частности исторического факультета Московского государственного университета⁴.

В научном плане в историографии после революции утверждается марксистско-ленинская методология с доминированием формационного подхода и движущей силы классовой борьбы в историческом процессе. Это наиболее рельефно проявилось в идеализации социального протеста в досоветский период (Р. Пихоя, В. Байдин), а также революции и Гражданской войны в начале XX в. (В. Момонов, И. Плотников и др.). Урал представлялся как цитадель большевизма. Вся вина за развязывание Гражданской войны возлагалась на Белое движение. По данным вопросам велась

острейшие дискуссии, но в связи с ослаблением интереса к ним в годы либеральных реформ они до сих пор остаются незавершенными.

Традиционно большое внимание уделялось проблемам колонизации Урала (московские историки С. Бахрушин, В. Шунков, А. Преображенский и др.), развитию его горнозаводской промышленности (Н. Бакланов, Д. Гаврилов, Д. Кашинцев, С. Сигов, Л. Сапоговская, С. Струмилин, Н. Павленко и др.), промышленному перевороту (В. Кривоногов, П. Рындзюнский, С. Струмилин, В. Яцунский и др.), генезису капитализма и кризису крепостного строя, складыванию предпосылок социалистической революции на Урале. Наиболее активно обсуждались две последние проблемы (В. Адамов, Ф. Быстрых, Д. Гаврилов, Ф. Горовой, Т. Гуськова, Н. Лисовский, Я. Волин и др.). Достоинство этих исследований заключалось в том, что они внесли весомый вклад в прояснение общегосударственных проблем, а недостаток в том, что они нередко механически переносили общероссийские клише на уральскую почву. Ряд вопросов до сих пор остается спорным: содержание и хронологические рамки промышленного переворота; социальный характер горнозаводской промышленности и др. Одни исследователи характеризуют ее как в целом капиталистическую, в которой происходит постепенное отмирание и вытеснение сохранившихся еще крепостнических элементов (Д. Гаврилов); другие считают, что в горнозаводской промышленности в пореформенный период сохранялся особый «крепостнический уклад», основой которого была окружная система (В. Адамов).

По причине доминирования интереса к горнозаводской промышленности меньше исследовалось дореволюционное сельское хозяйство, тем не менее опубликовано несколько интересных исследований (А. Кондрашенков, М. Черныш, В. Пундани и др.), в которых рассмотрено развитие производительных сил деревни, товарно-денежных, поземельных отношений в ней, социально-экономическое положение крестьянства. Проблемы крестьянства национальных районов нашли отражение в работах Р. Кузеева, Х. Усманова, М. Гришкиной. В последнее время историки сосредоточились на взаимодействии аграрной среды и горнозаводских центров Урала, традиционной культуре крестьянства, его менталитете (Н. Миненко, А. Мосин, И. Побережников, Н. Половинкин и др.)⁵.

Большая часть историков работала над проблемами советского общества: истории индустриального развития и рабочего класса (А. Абрамовский, А. Антуфьев, А. Бакунин, В. Зуйков, Б. Лич-

ман, Л. Мартюшов, Е. Минибаев, М. Ямалов и др.); аграрной сферы (В. Берсенев, М. Денисевич, Н. Ефременков, Г. Корнилов, В. Куликов, В. Мотревич, Р. Толмачева и др.); культуры (М. Главацкий, М. Кондрашова, С. Постников, М. Попов, А. Сперанский, В. Чуфаров и др.); науки и научно-технической политики (Е. Артемов, В. Балакин, В. Лебедев и др.); социально-политического развития в конце века (А. Кириллов и др.). Написаны десятки книг, защищены сотни диссертаций. Особая роль принадлежит исследованиям роли Урала во Второй мировой войне.

В связи с тем, что Урал является многонациональным районом, много внимания уделяется проблемам формирования наций, национальных движений, национального менталитета (К. Куликов, Ф. Саяхов, Б. Юлдашев, Р. Кузеев, А. Юнусова и др.). Выдвинуты оригинальные точки зрения, в частности Р. Кузеевым о взаимообусловленности этносоциальных процессов в Восточной Европе и Азиатской России, что привело к формированию современных народов.

Важное место в историографии занимают обобщающие труды: «История Урала» в двух томах, изданная в Перми в 1963–1965 гг., два тома академического московского издания «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» и «История Урала в период капитализма» (1989, 1990), а также «История народного хозяйства Урала» в двух частях (1988, 1990). В них представлено широкое полотно уральской истории с древнейших времен до кризиса советской власти в 80-е гг. Однако сегодня они нуждаются в серьезной корректировке как теоретического, так и фактического плана.

Оценивая большой блок публикаций советского периода, необходимо признать, что они решают широкий круг проблем отечественной истории, вводят в научный оборот огромный фактический материал, в основном объективно оценивают сложные и противоречивые события, показывают позитивные начала крупных преобразований. Однако большинство из них сильно идеологизировано в духе того времени, умалчивает о неоправданно высокой цене этих преобразований, не раскрывает последствий той гигантской социальной трансформации, которая кардинально изменила облик России в XX в., не видит ее цивилизационной значимости.

Постсоветский период развития уральской школы историков характеризуется отходом от идеологических догматов предшествующей эпохи, формированием новых направлений исторической науки, повышением роли в российской историографии. За-

метно выросло число структур исторического профиля и количество историков, имеющих ученые степени. На 1 января 1994 г. только в 35 из 56 вузов Уральского региона на кафедрах истории работали 38 докторов и 271 кандидат исторических наук⁶. Если в 70-е гг. было защищено около 20 докторских диссертаций, то в 80-е гг. – около 30, а в 90-е гг. – около 60⁷. В 2002 г. на Урале, включая Тюменскую область, в университетах и институтах действовало 20 исторических факультетов.

В состав созданного в 1987 г. Уральского отделения АН СССР вошли Башкирский, Коми и Удмуртский институты истории, языка и литературы, а в 1988 г. основан Институт истории и археологии РАН, ставший признанным центром исторической мысли не только на Урале, но и в России. Он формировался, когда в стране рушились коммунистические догмы, но еще не сформировалось новое мировоззрение, то есть начинал с чистого листа, что дало свободу в выборе научных направлений и их методологическом обеспечении.

В институте была разработана одна из первых в российском обществоведении целевая комплексная научно-исследовательская программа «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории). Исторический опыт в программе был деидеологизирован и не отождествлялся с элементарным историческим знанием, а понимался как ретроспективная оценка прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. В этом ключе был выполнен целый комплекс исследований, имеющих практическое значение и давших возможность выжить институту в невероятно трудных условиях переходного периода. К числу таких исследований в первую очередь относится капитальный труд «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири (2002), подготовленный совместно с экономистами, что не часто встречается в исторических исследованиях, а также книга В. Алексеева и Л. Сапоговской «Исторический опыт промышленной политики в России».

Регионализм квалифицировался как политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав. С этой точки зрения рассматривались теоретические и практические вопросы регионального развития на разных этапах истории страны. Вскоре стало ясно, что региональные проблемы выходят

на первый план в условиях распада Советского Союза. Этими исследованиями заинтересовались западные исследовательские центры, в частности Институт европейской политики Левенского католического университета (Бельгия). В ходе совместного проекта были получены важные научные результаты, которые опубликованы как в России, так и за рубежом (В. Алексеев. Регионализм в России, Екатеринбург, 1999; Alekseyev, K. Malfliet, T. Casier. Regionalism in Russia. The Urals Case Leuven, 1995 и др.). Крупным итогом данных исследований надо считать фундаментальную монографию В. Алексеева, Е. Алексеевой, К. Зубкова, И. Побережникова «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике», которая представляет собой первое комплексное исследование истории регионов азиатской части страны на протяжении 400 лет их развития в составе Российского государства.

Другой важнейшей проблемой, разработанной институтом, является концепция модернизации, под которой понимается переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному с большим количеством политических, социальных, культурных, ментальных последствий. К монографическим публикациям данного плана необходимо отнести: «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.» (М., 2000), В. Алексеев. Общественный потенциал истории (Екатеринбург, 2004); специальный выпуск институтского журнала «Уральский исторический вестник». Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений (2000, № 5–6); *Iron-making Societies. Early Industrial Development in Sweden and Russian* (Oxford, 1998) и др.

Кроме того, институтом опубликованы десятки монографий по другим проблемам истории как Урала, так и России в целом. Среди них особое место занимает большая книга «Урал в панораме XX в.», в которой на основе оригинальной концепции подводятся итоги развития крупнейшего региона России на одном из самых сложных и противоречивых этапов ее истории, и фундаментальная монография С. Нефедова «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России», где впервые в мировой историографии предпринята попытка анализа истории России с позиций нового методологического подхода – демографически структурной теории Дж. Голдстоуна.

Широкий резонанс у российской и зарубежной общественности вызвали книги В. Алексеева, посвященные гибели царской семьи Романовых на Урале, в которых сформулирована отличная от официальной трактовка екатеринбургской трагедии (Гибель

царской семьи: мифы и реальность, 1993; *The Last Act of a Tragedy*. 1996; *Воскресшие Романовы? К истории самозванчества в России XX века*. Ч. 1–2. 2000, 2004). Противоречивые оценки вызывает двухтомник А. Бакунина «История советского тоталитаризма» (1993, 1997), поскольку под его пером «белые» пятна советской истории заметно потемнели. Опубликованы первые тома много-томной серии «Общество и власть. Российская провинция 1917–1985 гг.».

Крупным достижением института является подготовка энциклопедий, в том числе уникальной «Уральской исторической энциклопедии», выдержавшей два издания (1998, 2000). Ее появление сделало возможным создание ряда отраслевых энциклопедий и словарей (Металлургические заводы Урала. XVIII–XX вв.: Энциклопедия. К 300-летию уральской металлургии. 1701–2001. (2001); *Историки Урала. XVIII–XX вв.* (2000) и др.

Академическими институтами Коми и Удмуртской Республики изданы фундаментальные истории своих регионов. Они основаны на новых концепциях и свежих архивных материалах, представляют большой интерес с точки зрения опыта государственного строительства в Российской Федерации.

Сложнее обстояло дело у вузовских историков. В условиях переходного периода российской экономики вузы оказались в трудном положении. У них ограничились возможности подготовки и издания монографий. Тем не менее исторические исследования продолжались. Из публикаций вузовских ученых хотелось выделить книги по истории черной металлургии Урала В. Запария, уральской атомной промышленности В. Новоселова и В. Толстикова, истории политических репрессий В. Кириллова, а также учебное пособие по истории Урала, написанное большим творческим коллективом под редакцией В. Камынина и Б. Личмана, выдержавшее три издания.

Впечатляют достижения уральской историографической школы. Она представлена в настоящее время учеными, которые работают в вузах Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Кургана, Саранска. К наиболее активным ее членам следует отнести профессоров А. Тертышного, А. Трофимова (Екатеринбург), Е. Заболотного, И. Скипину (Тюмень), В. Усанова (Курган). Эту научную школу отличает интерес не только к исторической проблематике, но и глубокое внимание к изучению научной организации исследований, теоретических, методических и источниковедческих основ, отдельных этапов развития исторической науки, творческой

лаборатории крупнейших ученых. Ее представители считают важным при разработке историографических проблем использование архивных источников.

К достижениям уральской историографической школы можно отнести активную публикаторскую работу. Исследования ведутся как в проблемном ключе, так и по конкретным вопросам развития исторической науки. Из новейших работ, выполненных в проблемном ключе, вызвавших большой резонанс у научной общности, относятся публикации по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в России и на Урале (О. Васьковский, Е. Заболотный, А. Тертышный); по политической и экономической истории 1920–1930-х гг. (В. Камынин, Е. Цыпина) и др. Особенно плодотворно представители уральской историографической школы трудятся над подведением итогов разработки и применения новых методологических и концептуальных проблем к изучению истории России на современном этапе (Е. Заболотный, В. Камынин «Историческая наука в преддверии третьего тысячелетия», 1999; они же. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века, 2004; Е. Заболотный, В. Камынин, И. Шишкин «Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века», 2003; А. Тертышный, А. Трофимов «Российская история: модели измерения и объяснения», 2005).

При всех достижениях уральской школы историков в постсоветское время следует указать на ее погрешности, впрочем, присущие многим нынешним сочинениям по отечественной истории. К ним относятся: недостаточность глубокого цивилизационного, компаративного видения российских проблем в контексте мировой истории; апологетика негативизма в истолковании отечественной истории; представление всей истории XX в. непременно в черных тонах; огульная замена плюсов на минусы; смена старых идеологем новыми; попытка опровергнуть базовые постулаты не на основе оригинальных идей и документов, а путем их бесцеремонного отбрасывания; легкость и безответственность суждений по принципиальным вопросам и др.

Ликвидируя «белые пятна» истории, некоторые авторы превращают их в «черные», забывая о том, что модернизационный переход в России в целом и на Урале в частности осуществлялся в очень трудных условиях, и без потерь трудно было обойтись. Появляются выводы, доведенные до абсурда – типа «социалистическая форма хозяйства могла быть установлена лишь при условии обращения всего народа в рабство». К социализму люди относятся

по-разному, но вычеркнуть из истории социалистический эксперимент, который длился три четверти века, честный историк не может. Другое дело, как его интерпретировать, по крайней мере нельзя доводить до абсурда, и тем самым опоздать историческую науку. Пора понять пагубность российской практики сведения счетов последующих поколений с предшествующими.

Таким образом, формирование уральской школы историков шло на протяжении почти трех столетий. За это время сменилось не одно поколение учеников и учителей, множество направлений исторической мысли. На рубеже XX в. отрывочные сведения об Урале превращаются в науку «ураловедение», а в конце XX в. она обретает академический статус. Сегодня здесь функционирует крупный отряд служителей Клио, завоевавший общероссийское и международное признание. Его труды охватывают практически все сферы жизни региона с древнейших времен до наших дней и служат надежным потенциалом его устойчивого развития.

¹ Уральская историческая энциклопедия. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Екатеринбург, 2000. 637 с.; Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. 450 с.

² Уральская историческая энциклопедия. С. 240.

³ Там же. С. 241.

⁴ Историки Урала. XVIII–XX вв. С. 4–5.

⁵ Уральская историческая энциклопедия. С. 243.

⁶ Состав научно-педагогических кафедр социально-гуманитарных наук вузов Уральского региона на 1 января 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 37–39.

⁷ Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005. С. 37.